

Рис. 1. Постройки селения взбираются по скале к старинной сторожевой башне в Балад Сет, Оман. В вечернее время огни в окнах домов выстраиваются в «громадную башню» и напоминают созвездия на ночном небе.

Глава I

АРАВИА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСЛАМА

*Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:*

*Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?*

*Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?²
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?*

*Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.*

А. С. Пушкин. Подражания Корану (1824)

В условиях изнуряющей аравийской жары лучшее время для путешествия — ночь. Слово *тарик* («дорога») восходит к глагольной основе *тарака* — «приходить ночью», слово *тарик* — «ночной путник», «ночной гость» — часто встречается в доисламской поэзии. В пути часто ориентировались по звездам. В кромешной тьме путник в верблюжьем седле видел лишь мириады звезд, свет которых, казалось, пробивался сквозь крошечные дырочки в плотной ткани небосвода: «Клянусь небом и идущим ночью (*ат-тарик*)! А что даст тебе знать, что такое «идущий ночью»? Звезда, пронзительно сияющая»* (86:1–3)¹.

¹ Здесь и далее тексты Корана цитируются в переводе И. Ю. Крачковского. Случаи, когда наш перевод отличается, помечены знаком «*».

Солнце в этих широтах встает и садится быстро. Заря, в несколько мгновений окрашивающая небосвод фонтанами красок, казалось утомленному ночным переходом путнику радостным чудом: «Так нет! Клянусь месяцем! И ночью, когда она повертывается, и зарей, когда она показывается!» (74:32—34).

Иван Бунин, внимательнейший читатель Корана, почувствовал это необычайно верно:

Звезды горят над безлюдной землею,
Царственно блещет святое созвездие Пса:
Вдруг потемнело — и огненно-красной змеею
Кто-то прорезал над темной землей небеса.

Путник, не бойся! В пустыне чудесного много,
Это не вихри, а джинны тревожат ее,
Это архангел, слуга милосердного Бога,
В демонов ночи метнул золотое копье².

И еще:

Разверни же, Вечный, над пустыней,
На вечерней тверди темно-синей
Книгу звезд небесных — наш Коран³!

Не менее наблюдательным оказался и другой интереснейший русский поэт и мыслитель Даниил Андреев (1906—1959):

Над белоснежною Меккою
гибкий кометы хвост,
Дух песков накаленных
и острых, могучих звезд.
Звезды вонзают в душу
Тысячи острых жал...
Благоговейный трепет
сердце Пророка сжал⁴.

² Иван Бунин (1903).

³ Иван Бунин. *Пастухи* (1905).

⁴ Даниил Андреев. *Серебряная ночь Пророка* (1933).

Рис. 2. Фрагмент стеной росписи с изображением дома-башни (III до н. э. – III в. н. э.) из Карйат ал-Фау во Внутренней Аравии.

В конце января 2013 г мне довелось оказаться в оманской пустыне. Я отошел от костра и лег на еще теплый песок, еще пару часов назад казавшийся ярко-красным в лучах заходящего солнца. Вглядываясь в звездное небо я наконец понял, почему для обозначения созвездий в Коране используется слово *бурудж* (букв. «башни»). Чистейший и сухой воздух пустыни делает небо «трехмерным» в отличие от «плоского» неба в наших широтах. Великое множество звезд — от ярчайших до еле видимых — выстроились этажами в глубину, подобно огням в окнах древних крепостных

башен (рис. 1), множество которых я видел в ходе путешествия по Оману (рис. 2): «Клянусь небом — обладателем башен, и днем обещанным, и свидетелем, и тем, о ком он свидетельствует!» (85:1–3).

* * *

1.1. Субконтинент

Аравийский полуостров, бывший некогда частью Африки, — крупнейший полуостров в мире. На востоке он омывается водами Персидского и Оманского залива, на юге — Аравийским морем и Аденским заливом, на западе — Красным морем. Его по праву можно считать особым историко-культурным регионом. Исторические судьбы Аравии обусловлены географическим положением, характером внешних связей и во многом уникальными природными особенностями. Аравия едва ли не в два раза больше Индии по территории и по крайней мере не меньше, чем Индия, заслуживает приложения к себе понятия субконтинент. Находясь в окружении центров древнейших цивилизаций (Египет, Месопотамия, Средиземноморье), она с самых отдаленных времен была связана торговыми путями и с Индией. Сегодня очевидно, что Аравия всегда была (не могла не быть!) неотъемлемой частью этого «большого мира». Важнейшим событием здесь несомненно стало рождение ислама, но было бы большим упрощением сводить к этому все значение Аравии в мировой истории. Исламу предшествовали века мощного цивилизационного развития, породившего высокий уровень открытой к контактам экономики, инженерные достижения, искусство, широкое распространение письменности. Более того, сегодня становится очевидным, что роль ислама в истории человечества, его «абсорбционные возможности», парадигмы его развития во многом являются производными от специфики древней аравийской истории, к которой столь часто обращается Коран и о которой мы знаем пока не слишком много. Ведь человечество охотнее всего фиксировало даты военных побед и имена полководцев, а история Аравии, защищенной от внешних врагов морями, горами и малопроходимыми пустынями, была мирной по преимуществу.

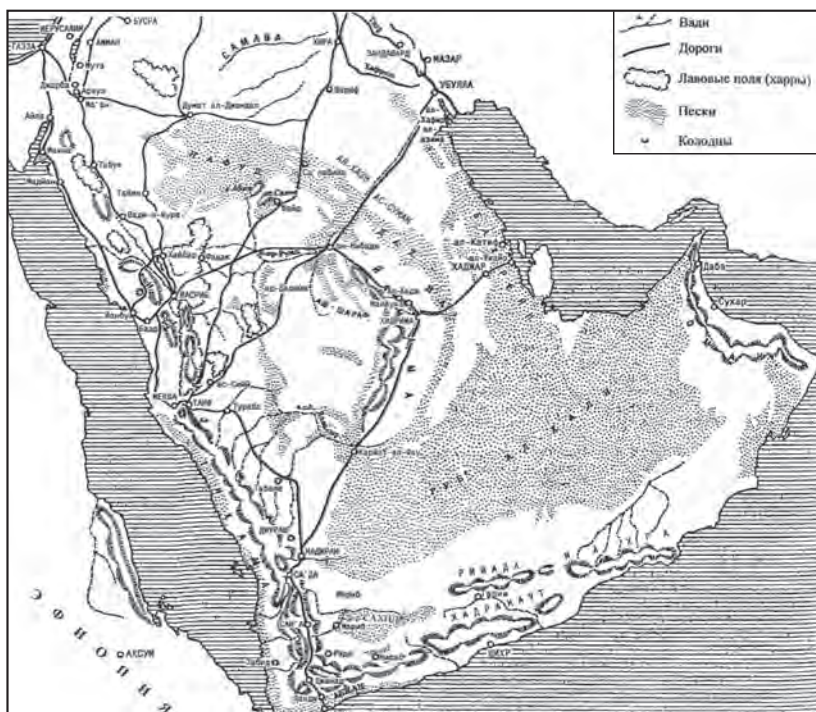

Рис. 3. Аравия накануне VII в.
(с любезного разрешения О. Г. Большакова).

Аравия (рис. 3) — обширное пустынное плато (высота от 300–600 м на востоке до 1520 м на западе). Северную часть полуострова занимает пустыня Нефуд, южную — безбрежная Руб аль-Хали. Высшая точка Аравийского полуострова — гора Джабал ан-Наби Шу‘айб (3660 м) находится в Йемене, неподалеку от Саны. На севере, вдоль теперешних границ Иордании, протянулась каменная пустыня ал-Хамад. Центральную часть Аравийского полуострова занимает плоскогорье Неджд. Вдоль побережья Персидского залива лежит местами заболоченная, а частью покрытая солончаками низменность ал-Хаса (шириной до 150 км).

Хиджаз, обширная область горных цепей и лавовых полей вдоль Красного моря, отделена от него узкой приморской полосой

(Тихама). Именно Хиджаз, где были расположены Мекка и Йас-риб (будущая Медина), стал колыбелью исторических событий, завершившихся возникновением ислама. На юге Хиджаз переходит в горную область ал-Асир.

Аравия изрезана множеством каньонов, сухих русел древних рек (*вади*), часто глубоких и широких (до пяти-шести километров). *Вади* достигают многих сотен километров длины и заканчиваются обычно в бессточных впадинах. Лишь после редких дождей они на несколько часов заполняются мощными потоками воды, часто сметающими все на своем пути. Знаменитый доисламский поэт Имру' ал-Кайс (ок. 500—540) так описывал последствия селя:

А поутру над Кутайфой ливень лила она,
И корни подмыл он у деревьев канахбала.
Прошла над горой Кананом с громом и брызгами
И всех белоногих коз по склонам разогнала.
А в Тайме — из камня лишь строенья оставила,
Ни пальмы, ни хижины она не уберегла.
А вот и Муджаймир, весь в потоках и мусоре —
Как веретено, которым нити она спряла.
Как йеменский воин, из похода вернувшийся,
На плоском седле холма поклажу она сняла.
А поутру птичка там поет — разливается,
Как будто она вино наперченное пила.
И вечером из воды торчат, словно дикий лук,
Те звери, которых буря ливнем сюда снесла⁵.

Ровное дно *вади* покрыто рыхлыми отложениями продуктов разрушения горных пород. Местные жители издавна умели задерживать и отводить дождевую воду и использовать эти земли для орошаемого земледелия. Здесь часто высок уровень почвенных вод, значительно более богатая растительность, колодцы позволяют

⁵ Th. Nöldeke. "Fünf Mo'allaqat, übersetzt und erklärt", *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-Hist. Klasse CXLII* (1900), с. 34. Перевод А. А. Долининой.

получить воду даже в засушливое время. Исторически именно по *вади* шли караванные пути, ставшие «каркасом» и символом исторического единства Аравии. *Вади*, начинающие свой путь в горных расщелинах, разрезают степи и плоскогорья, выжженные солнцем песчаные пустыни и многокилометровые лавовые поля:

А сколько пустынь огромных, гладких, как новый щит, —
Покров их разостланный не тронут ничьей ногой —
Прошел я без страха целиком из конца в конец:
Взбираясь на скалы и дорогой идя прямой⁶, —

воскликнул аш-Шанфара, поэт-изгой (*су'лук*), живший в начале VI в. Он подчеркивает здесь свою редкую удаль и выносливость — способность идти через пустыню напрямик. Обычно же караваны двигались вдоль *вади*. Оазисы — острова в океане пустыни. Они возникали в наиболее благоприятных местах *вади*, были остановками на пути караванов и важными торговыми и религиозными центрами.

Аравийский климат крайне засушливый. Летом температура постоянно колеблется около отметки 50 °С.

В шелках песков лишь сизые полыни
Растит Аллах для кочевых отар,
И небеса здесь несказанно сини,
И солнце в них — как адский огонь, Сакар.
И в знойный час, когда мираж зеркальный
Сольет весь мир в один великий сон,
В безбрежный блеск, за грань земли печальной,
В сады Джиннат уносит душу он⁷.

Ночью песок резко отдает тепло, накопленное за день. Пустыня охлаждается на двадцать-тридцать градусов. Резкий перепад температуры чувствуется человеком как страшный холод.

⁶ Al-Shanfara. “Diwan”, *Diwan al-sa'alik* (Beirut, 1413/1992), с. 54. Перевод А. А. Долининой.

⁷ Иван Бунин. *Ковсёр* (1903).

И сколько ночей таких злосчастных, когда ездок
Согреться пытается и лук поджигает свой⁸, —

восклидал все тот же аш-Шанфара. Сжечь лук для него — значит фактически обречь себя на верную смерть.

Растительность небогата: белый саксаул, верблюжья колючка — на песках, полыни, астрагалы (кустарники и полукустарники, стебли которых опушены простыми или двуконечными волосками) — на лавовых полях, одиночные тополя, акации — по руслам *вади*, тамариск — по солончакам. Кое-где, прежде всего в горах Асира, сохранились участки саванн с акацией, дикой маслиной и миндалем. В оазисах — рощи финиковых пальм, цитрусовых, бананов, зерновые и огородные культуры. Весна в Аравии — время эфемеров, травянистых однолетних растений с очень коротким вегетационным периодом.

Издавна добычей охотника (*рис. 4*) здесь были антилопа, газель, дикий осел онагр, заяц. Лакомились саранчой, плодившейся в береговых низменностях. В голодное время поедали мелких грызунов (песчанок, сусликов, тушканчиков и др.). С охотником соперничали волк, шакал, гиена, лисица-фенек и дикая кошка-каракал. В безоблачном небе парили, высматривая добычу, орлы, коршуны, грифы и соколы-сапсаны. Там, где имелась растительность, плодились дрофы, жаворонки, рябки, перепела, голуби. Картину дополняли змеи, ящерицы и черепахи.

1.2. Накануне ислама

Аравия начала VII в. н. э. Страна палящего солнца, выжженных степей, каменистых полупустынь и рваных бурых гор, пыльных торговых городов и зеленых оазисов, страна кочевников-бедуинов, земледельцев и купцов-караванщиков, живущих состояния на транзитной торговле. К тому времени на огромной территории в три миллиона квадратных километров здесь обитало около семи миллионов человек, более половины которых вели оседлый образ жизни и около трех миллионов были кочевниками по преимуществу.

⁸ Al-Shanfara. “Diwan”, с. 37. Перевод А. А. Долининой.

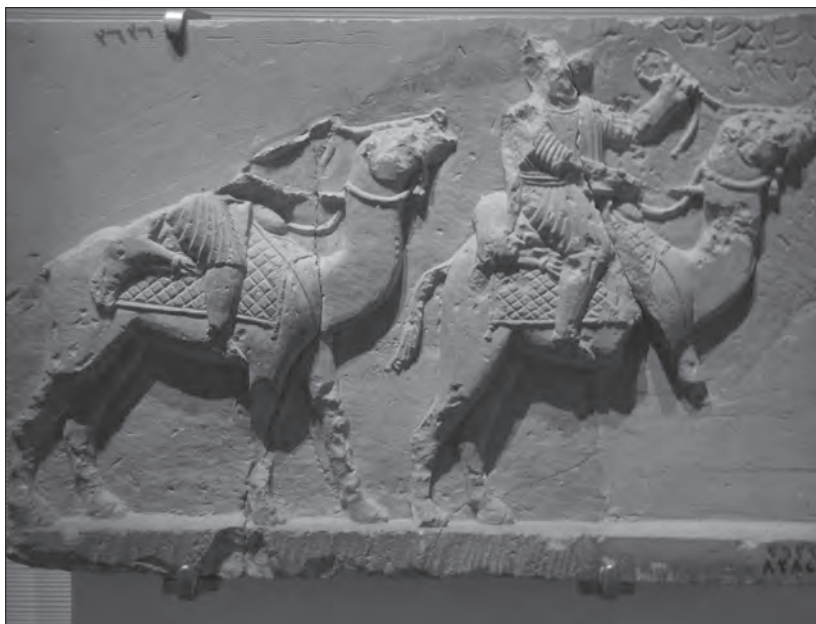

Рис. 4. Возвращение с охоты. Деталь барельефа, Пальмира, II—III вв. Национальный музей в Дамаске.

Необходимо иметь в виду, что лишь небольшую часть населения можно характеризовать как «чисто оседлых» или «чистых кочевых». Имелось множество промежуточных «полукочевых-полуоседлых» типов хозяйствования.

На протяжении многих веков население Аравии делилось на две большие части. Первую составляли жители юга полуострова («химйариты» раннего средневековья), создавшие здесь блестящую древнюю цивилизацию и говорившие на языке южносемитской группы. Кочевые, полукочевые и оседлые племена, населявшие Внутреннюю Аравию и степные приграничья Сирии и Месопотамии, именовали себя по названиям родов, племен или племенных союзов. По крайней мере с VII в. до н. э. соседи обозначали этих людей словом «арабы» («пустынники», «степняки»). Последние говорили на диалектах языка, относящегося к северосемитской группе. Обе части жителей Аравии издавна осознавали свою «особость».

На северо-востоке арабские по языку и культуре племена населяли междуречье Верхней Месопотамии, проникали в степи Хузистана, а на северо-западе кочевали в степях Сирии и Заиорданья. Источники содержат информацию о том, что имелись определенные различия между восточными и западными областями полуострова. Они проявлялись как на диалектальном уровне, так и в области культурного взаимодействия: восточная часть полуострова издавна была связана с Персией, западная — с Сирией и Палестиной, следствием чего являлось возникновение здесь региональных вариантов аравийской культуры.

Родоплеменная разобщенность аравитян была доминантой жизни общества. Она диктовала как особенности социальной организации, так и характер мироощущения жителей Аравии. Общинно-родовая организация по существу в неизменном виде (с видимыми признаками разложения и перехода к более развитому уровню социально-экономических отношений) существовала в Аравии задолго до ислама. Сохранялась она и после его возникновения (во многих местах — вплоть до начала XX в.).

В дошедших до нас письменных памятниках, созданных в доисламской Аравии, нет слова для обозначения всей территории полуострова. «Своей» была лишь территория обитания или кочевания сородичей, вне которой лежали земли враждебных чужаков. Существовали факторы и механизмы, «стягивавшие» племена, несмотря на все различия в формах хозяйства и постоянное соперничество.

Внутренняя Аравия VI — начала VII в. представляла собой одну этнокультурную общность. Объединяющими элементами были общая система мировоззрения, включая типологически однородное историческое сознание, однотипность морально-правовых норм, общий поэтический язык, общие формы самовыражения.

Как говорилось выше, Аравия только на первый взгляд составляла часть «варварской периферии» цивилизованного мира. На протяжении веков она находилась не просто в окружении наиболее развитых государств, но в той или иной степени являлась их частью (рис. 5). В разные периоды государственность охватывала практически все обитаемые части полуострова. Здесь можно вспомнить Набатею (рис. 6), Хатру, Пальмиру, Дедан (рис. 7),

Рис. 5. Древняя и раннесредневековая Аравия в окружении торговых путей.

выросшие на торговом пути из Газы в Наджран и далее — в «Счастливую Аравию», государства древней Южной Аравии, цепь полукочевых царств, вытянувшихся вдоль караванной дороги из Йемена в Ирак (царства Кинда, ал-Азд, Гассан, Низар и Ма'адд, Танух), Химйаритскую державу и «новое» Киндитское царство, попытку создания в 60–70-х годах VI в. н. э. нового независимого от Сан'ы бедуинского Хасамитского или Хузаитского царства, вассальные княжества Гассанидов и Лахмидов. Зона влияния первых простиралась порой до Вади-л-Кура. Последние, как известно, активно продвигались на юг и запад (к Йасрибу). В VI в. где-то в районе Хулубана проходила граница между зонами влияния Лахмидов и государственных образований Южной

Рис. 6. Знаменитый мавзолей Ал-Хазна, полностью высеченный в скале. Петра, II в.

Рис. 7. «Гробница ал-Асвада», высеченная в скалах ал-Хурайбы на северо-востоке Аравии.

Аравии. Наконец, в VI — начале VII в. Южная Аравия управлялась сначала эфиопским, а затем и персидским наместником.

Центральная Аравия, покрытая прежде в своей значительной части растительностью саванного типа (ср. Исаия 21:13: «Пророчество об Аравии. В лесу Аравийском ночуйте, караваны Деданские»), на протяжении почти двух тысячелетий обеспечивала торговые связи ряда наиболее развитых стран древности и средневековья. В портах Персидского залива и Красного моря создавались и процветали торговые колонии. Именно сюда корабли, совершавшие полные опасностей плавания по Индийскому океану, Персидскому заливу и Красному морю, доставляли товары из Африки, Южной Азии, Дальнего Востока. В аравийских портах начинался долгий путь караванов по выжженным солнцем плоскогорьям к богатым рынкам Средиземноморья: через Аравию проходило несколько ка-

раванных путей, которые связывали средиземноморские государства с Йеменом, Эфиопией, Междуречьем, Индией, Китаем.

За тысячу лет до возникновения ислама пророк Иезекииль так описывал аравийскую торговлю средиземноморского Тира: «Дедан торговал с тобою драгоценными попонами для верховой езды. Аравия и все князья Кидарские производили мену с тобою: ягнят и баранов, и козлов променивали тебе. Купцы из Савы и Раемы торговали с тобою всякими лучшими благовониями, и всякими дорогими камнями, и золотом платили за товары твои. Харан и Хане, и Еден, купцы Савейские, Ассур и Хилмад торговали с тобою. Они торговали с тобою драгоценными одеждами, шелковыми и узорчатыми материями, которые они привозили на твои рынки в дорогих ящиках, сделанных из кедра и хорошо упакованных» (Иез. 27:20–24).

Ветхозаветный текст сохранил для нас информацию о трех группах товаров, в торговле которыми принимала участие Аравия. Это транзитные товары (драгоценные одежды, шелк), благовония с юга полуострова, а также продукты, связанные с животноводством, собственно то, что производила Внутренняя Аравия: скот, упряжь, кожи... (рис. 8). В разные периоды изменялись объем и значение этих составляющих аравийской торговли. Птолемей, следуя античной научной традиции, включал в состав «Счастливой Аравии» всю Центральную Аравию и часть Северной.

По Восточной Аравии шли торговые пути в Индию и к медным рудникам Омана. На побережье возникли очаги эллинистической культуры, связанной и с Южной Месопотамией, и с Индией. Отсюда торговые дороги направлялись на юг Аравии, где еще в середине II тыс. до н. э. возникла особая сайхадская цивилизация. Здесь производились и отправлялись на продажу драгоценные смолы и ароматы, ценившиеся в Средиземноморье на вес золота, здесь создавались сложнейшие ирригационные системы, воздвигались величественные храмы и дворцы. Символом древнейшей цивилизации стала Марибская плотина, чья гибель нашла свое отражение в Коране (34:15–17): «У Саба в их жилище было знамение: два сада справа и слева — питайтесь уделом вашего Господа и благодарите Его! Страна благая, и Господь милосердный! Но они уклонились, и послали Мы на них разлив плотины и заменили им их

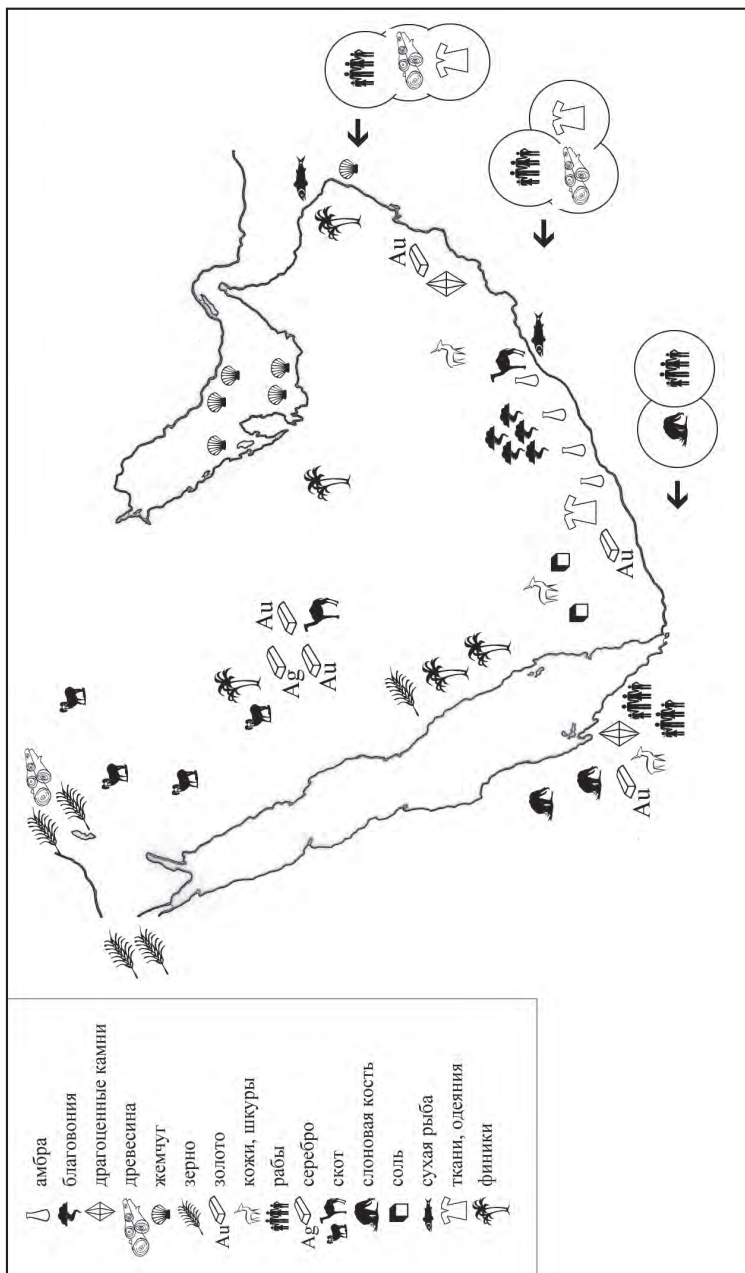

Рис. 8. Основные предметы аравийской торговли.

сады двумя садами, обладающими плодами горькими, тамариском и немногими лотосами. Этим воздали им за то, что они не веровали! Разве Мы воздаем кому-нибудь, кроме неверных?»

И сегодня, как и пятнадцать веков тому назад, путешественника поражают гигантские гробницы древней набатейской Хагры (ныне — Мада'ин Салих), расположенные на караванном пути в Сирию приблизительно в 250 километрах к северо-западу от Медины. Здесь, согласно Корану, жило гордое и богатое племя самуд (7:74: «из долин ее вы устраиваете замки, а горы высекаете, как дома»), отвергнувшее пророка Салиха, посланного к ним Аллахом: «и наутро они были в своих жилищах павшими ниц, как будто и не жили там» (11:67).

К этому же ряду памятников набатейской Аравии относятся и развалины храма в ар-Рамме, ставшие «многоколонным Ирамом» Корана и связанные в кораническом тексте с адитами, обитателями оазисов северного караванного пути. Последние не вняли посланному к ним пророку (26:134–139). «Вот сказал им брат их, Худ: “Разве вы не побоитесь Бога? Я — к вам верный посланник. Побойтесь же Аллаха и повинуйтесь мне! Я не прошу у вас за это награды; поистине, моя награда только у Господа миров! Неужели вы строите на каждой возвышенности диво, забавляясь. И устраиваете вы цистерны, — может быть, окажетесь вы вечными! А когда вы владычествуете, владычествуете тиранами. Побойтесь же Аллаха и повинуйтесь мне! И бойтесь того, кто помог вам, чем вы знаете! Он помог вам стадами и сынами, садами и ручьями. Я боюсь для вас наказания дня великого”. Они сказали: “Все равно для нас, будешь ты увещевать или не будешь увещающим. Поистине, это — только творение первых, и мы не будем наказаны”. И сочли они его лжецом, и погубили Мы их. Поистине, в этом — знамение, но большинство их не веруют!»

Земля Аравии несла и несет на себе тысячи свидетельств существования здесь прежде могущественных цивилизаций, давно исчезнувших ко времени возникновения ислама: «сколько колодцев опустевших и замков воздвигнутых!» (22:45). Историческая память жителей полуострова хранила предания о «древних народах» Аравии. Язык, доисламская поэзия и Коран свидетельствуют о сохранении ряда ключевых элементов культурной преемственности.

Коранический образ Аллаха стал итогом длительного предшествующего развития не только собственно аравийской, но и переднеазиатской семитской традиции. Он уходит своими корнями в глубокую ближневосточную древность. Такой базовый коранический образ, как *сад — Рай — жилище Бога*, легко находит параллели на древнем Ближнем Востоке («И насадил Яхве-бог Сад в Эдеме» (Быт. 2:8), садах Адониса в Финикии, почитании местных богов в садах Пальмиры).

Коранический запрет на употребление вина (черта, принадлежащая, по представлениям, зафиксированным рядом памятников, горожанам) восходит к древним, общим для всего Ближнего Востока представлениям, идеализирующим кочевую жизнь. Запрет употреблять в пищу свинину — повсеместное явление в переднеазиатском Средиземноморье. В глубокой древности он нарушался только при принесении свиньи в жертву. Коранический запрет восходит к кругу давних представлений, общих для северо-западных и южных семитов.

Начало VII в. на Ближнем Востоке (рис. 9) ознаменовалось вновь вспыхнувшей войной между Византией, раздираемой внутренней смутой, и Сасанидским Ираном. Площадь, население и военная мощь империй были приблизительно одинаковыми. Именно это обстоятельство предопределило затяжной характер войн между ними, равно как и невозможность достижения однозначной военной победы.

Богатые земли громадной Византийской империи располагались вокруг Средиземного моря, на котором безраздельно господствовал имперский флот. Балканы и Малая Азия, крупнейший город Средиземноморья Константинополь, Сирия и Палестина, Египет, Северная Африка, Сицилия жили под властью императора, которая была неограниченной и считалась данной от Бога. Император был главой не только громадного государственного аппарата, но и церкви. При этом могучее государство, простиравшееся с запада на восток на 4300 км, было перенапряжено как внутренними социальными и экономическими проблемами, так и постоянными войнами. Положение усугубилось в последней четверти VI в., когда на территорию империи, занятой затяжной войной с Сасанидами, вторглись славяне и авары. Изнутри государство подтачивали внутрицерковные

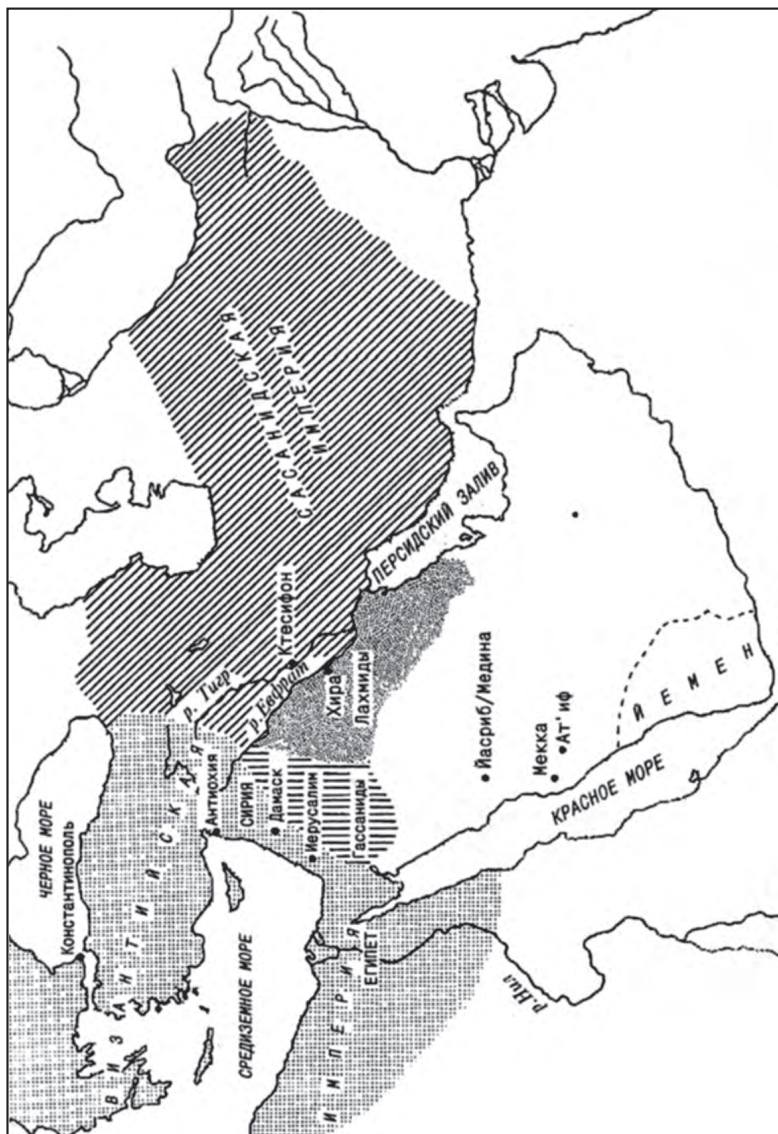

Рис. 9. Ближний Восток накануне VII в.

разногласия. Византийское христианство не было единым. Можно говорить о двух церквях: ортодоксальной мелькитской («царской»), и монофизитской, последователи которой составляли большинство в Сирии, Палестине и Египте. Гонения на монофизитов при Юстиниане I не только не привели к ликвидации раскола, но и усилили его.

В пограничных с Сирийской пустыней районах Восточной Палестины, Заиордания и Южной Сирии располагалось союзное Византии государственное образование «ромейских арабов» Гассанидов, глава которого носил византийский титул патрикия. Гассаниды, резиденция которых находилась в Джабии (чуть менее ста километров к югу от Дамаска) исповедовали христианство. Их государство было ликвидировано Византией в 585 г. но восстановлено в 629 г. ввиду мусульманской угрозы.

Главным соперником Византии в борьбе за господство на Ближнем Востоке был Сасанидский Иран, громадная континентальная страна с куда более однородным населением, разделенная на четыре большие провинции (Хорасан, Азербайган, Нимруз и Хорабаран). Накануне возникновения ислама государство Сасанидов добилось максимального расширения своих владений и включало земли нынешних Ирана, Ирака, Азербайджана, Армении, Афганистана, Иордании, Израиля и Палестины, восточную часть современной Турции и части нынешних Индии, Сирии, Пакистана, Центральной Азии, Кавказа, Аравии, Египта. Столицей государства шаханшахов был громадный Ктесифон, немногим уступавший Константинополю по площади, числу жителей и роскоши дворцов. Государственной религией Сасанидов был зороастризм.

В интересующий нас период восточная граница государства Сасанидов подвергалась регулярным вторжениям кочевников-тюрок. На западе практически за Евфратом начинались владения аравитян-кочевников.

Вассалами Сасанидов, долгое время обеспечивавшими стабильность на степном приграничье, были арабские князья Лахмиды. Они исповедовали христианство несторианского толка, и их государство со столицей в ал-Хире распространяло свою власть на арабские племена вплоть до владений Гассанидов, обеспечивавших прикрытие Византии. С помощью Лахмидов Сасанидское го-

сударство контролировало значительную часть караванного пути, который вел в Центральную Аравию. Сасаниды контролировали и Аравийское побережье Персидского залива вплоть до Бахрейна, а в конце VI в. завоевали Йемен.

Ал-Хира со своими монастырями, где в обиход была введена арабская письменность, с щедрыми правителями, приглашавшими ко двору арабских поэтов, сыграла значительную роль в развитии арабской культуры. В 611 г. Сасаниды полностью ликвидировали лахмидское государство, что, несомненно, ослабило их позиции на аравийских границах.

Как и Византийская империя, накануне ислама государство «царя царей» испытывало гигантское перенапряжение, вызванное как внутренними проблемами, так и бесконечными войнами, дарившими иллюзорные победы, но подтачивавшими основы государства.

Долгое время военное счастье было на стороне персов: византийцы вынуждены были оставить Сирию, Палестину, Египет, остров Родос. Персы осадили Константинополь. Аравия, с неприязнью наблюдавшая за успехами последних, оказалась в кольце персидских владений. В 627 г., однако, положение резко изменилось. Императору Ираклию, совершившему ряд смелых стратегических маневров, удалось поразить империю Сасанидов в самом сердце. В результате серии побед византийская армия подошла к Ктесифону, столице Сасанидов. Была захвачена и разграблена резиденция Хосрова II, который был вскоре убит в результате внутреннего заговора.

К началу проповеди Мухаммада соседние с Аравией области Сирии на протяжении десятилетий методично опустошались не только военными действиями, но и эпидемиями чумы, случавшимися с интервалом в семь лет. Эти обстоятельства самым благоприятным образом сказались на развитии мекканской торговли, обеспечив постоянный рынок сбыта для немудреных аравийских товаров, гарантировав неуклонный рост торговых оборотов и обусловив усиление экономических и политических позиций Мекки. Это было особенно важным в связи с кризисом транзитной торговли из Йемена в Сирию. Отражение кризиса торговых городов, существовавших на этом пути, мы находим в Коране (34:18–19):

«И устроили Мы между ними и теми селениями, которые благословили там, заметные для глаза селения; и направили там путь: “Идите там ночи и дни в безопасности!” И сказали они: “Господи, увеличь расстояние между нашими путешествиями!” — и обидели самих себя. И обратили Мы их в повествование и разорвали на клочки. Поистине, в этом — знамение для всякого терпеливого, благодарного!»

К моменту произнесения Мухаммадом первых откровений упадок этих центров транзитной торговли уже успел породить свои предания (*ахадис* — «повествования», 34:19). Мекканцам удалось создать своеобразную «область безопасности», основанную на системе договоренностей с племенами и получившую название *илаф*. Племена, участвуя в прибылях от караванной торговли, обеспечивали беспрепятственное движение караванов (106:1–3): «За союз курайшитов, союз их в путешествии зимой и летом... Пусть же они поклоняются Господу этого дома, который накормил их после голода и обезопасил после страха».

Созданная мекканцами система «путешествий зимы и лета», когда два каравана направлялись один в Сирию, другой в Йемен, показала свою эффективность. Торговля совпадала с паломничеством: вдоль караванных дорог у мест отдыха и стоянки издревле существовали многочисленные священные места. Все это было шагом на пути создания общеаравийского государства, необходимость которого смутно осознавалась: «И если бы не защита Аллахом людей одних другими, то разрушены были бы скиты, и церкви, и места молитвы, и места поклонения, в которых поминается имя Аллаха много» (22:40).

1.3. Язычество, иудаизм, христианство

Аравийская социальная практика, базовые религиозные представления своими корнями уходили в общий для многих народов Передней Азии пласт исторического опыта. Нет ничего удивительного в том, что содержательная структура Корана в общих чертах совпадает со структурой финикийской и ветхозаветной священной литературы (записи преданий, исторические повествования, пророческие тексты).

В аравийской среде передавались изречения Лукмана, восходящие к вавилонской афористической мудрости, приписываемой Ахикару (у арабов — Хайкар). «Роман об Александре», имевший множество изводов в эллинистической традиции, жил здесь в преданиях о Зу-л-Карнайне («Двурогом»). В стихах племенных поэтов можно найти многочисленные упоминания о Нухе и потопе, об Адаме и Мусе, 'Исе и Сулаймане. В качестве примера можно привести *касиду*, приписываемую североаравийскому поэту-христианину 'Ади б. Зайду, которая представляет собой довольно близкое переложение текстов Бытия, повествующих о сотворении мира и человека:

Завершил Он творение Свое за шесть дней.
И в последний из них создал мужчину.
И воззвал Он к нему, [возвысив] голос: «Адам!»,
и ответил Ему он, благодаря тому, что в тело
созданное был вложен дух.
Затем отдал ему рай, чтобы он жил в нем
и сделал жену ему, сотворив ее из ребра⁹.

Многочисленные исследования показали, что по существу невозможно обнаружить прямые источники заимствования для коранических сказаний и притч. Вошедшие в Коран отзвуки библейских канонических и апокрифических текстов, параллели к послебиблейским иудейским и христианским преданиям были неотъемлемой частью культуры Аравии. Последняя, в свою очередь, представляла часть единого культурного мира Передней Азии. Частью этого целого был и Коран, при этом именно благодаря кораническим свидетельствам мы можем прийти к пониманию многих важных особенностей и самого целого. Так, Коран является важнейшим источником по истории аравийского христианства, предоставляя исследователям важный материал для уточнения распространенных здесь неортодоксальных иудео-христианских и гностических представлений, с которыми Мухаммад часто полемизировал (например,

⁹ Ади б. Зайд ал-'Ибади. *Диван*. Тахкик Мухаммад ал-Му'айбид (Багдад, 1965), № 103, 7—9. Ср.: Быт. I:1—3, 6, 7, 14, 16, 26, 28, 31; II:7, 8, 16—18, 22; III:15—17.

Марйам-Мария как часть Троицы (5:116–117): «И вот сказал Аллах: “О Иса, сын Марйам! Разве ты сказал людям: ‘Примите меня и мою мать двумя богами кроме Аллаха?’” Он сказал: “Хвала Тебе! Как можно мне говорить, что мне не по праву? Если я говорил, Ты это знаешь. Ты знаешь то, что у меня в душе, а я не знаю того, что у Тебя в душе: ведь Ты — ведающий скрытое. Я не говорил им ничего, кроме того, о чем Ты мне приказал: ‘Поклоняйтесь Аллаху, Господу моему и Господу вашему!’ Я был свидетелем о них, пока пребывал среди них, а когда Ты меня упокоил, Ты был наблюдателем за ними, и Ты — свидетель всякой вещи”». При этом с какими-то элементами проповеди Мухаммад и соглашался (например, видимость крестной смерти ‘Исы-Иисуса, 4:155–158): «И за то, что они нарушили их завет, и не веровали в знамения Аллаха и избивали пророков без права, и говорили: “Сердца наши не обрезаны”. (Нет! Аллах наложил печать на них за их неверие, и веруют они только мало), и за их неверие, и за то, что они изрекли на Марйам великую ложь, и за их слова: “Мы ведь убили Мессию, ‘Ису, сына Марйам, посланника Аллаха” (а они не убили его и не распяли, но это только представилось им; и, поистине, те, которые разногласят об этом, — в сомнении о нем; нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предложением. Они не убивали его, — наверное, нет, Аллах вознес его к Себе: ведь Аллах велик, мудр!)»

Христианство проникало в Аравию с юга и севера. На юге центром распространения христианства была Эфиопия. В Северной Аравии в областях, подчиненных Гассанидам, исповедовалось христианство монофизитского толка, в лахмидских пределах — несторианство, гонимое в Византии.

И на юге Аравии, в Йемене, где в начале VI в. иудаизм был принят местным правителем Зу Нувасом, и в оазисах Хиджаза и Неджда существовали иудейские общины, однако до сих пор непонятно, состояли ли они из иудеев-переселенцев, или это были арабы, некогда принявшие иудаизм.

Зачины *касид* доисламских поэтов сохранили информацию о религиозных книгах, которые им доводилось видеть: проезжая по степи, поэт встречает следы покинутой бедуинами стоянки, где в одной

из палаток жила любимая. Далее часто следует традиционное сравнение следов, сохранившихся на земле, с исписанными листами: это и «письмо в йеменской книге из пальмовых листьев», и «книги, чьи страницы заново исписаны тростниковыми палочками», и «буквы на пергаменте», «буквы, будто написанные йеменским рабом», и «строки, спешно наносимые иудеем из Таймы’, который пишет по-еврейски правой рукой»...

Наджран, крупный торговый центр в южной части Аравии, имевший в этой связи значительную христианскую колонию, стал широко известен в христианском мире благодаря мучительной казни, которой в 525 г. н. э. были подвергнуты христиане, сожженные здесь во рву по приказу царя-иудея Йусуфа Ас’ара Зу Нуваса. Эта казнь, получившая широкий идейный и политический резонанс в христианском мире, упомянута и в Коране (85:4–10): «Убиты будут владетели рва, огня, обладающего искрами. Вот они сидят над ним и созерцают то, что творят с верующими. И вымещали они им только за то, что они уверовали в Аллаха великого, достохвального, которому принадлежит власть над небесами и землей. И Аллах о каждой вещи свидетель! Ведь те, которые испытывали верующих мужчин и женщин, а потом не покаялись, — им ведь наказание геенны, им наказание огня».

Эти события были связаны с соперничеством Византии и Ирана за контроль над югом Аравии и завершились вторжением сюда Эфиопии, поддержанным Византией.

Аравия VII в. н. э. — «последний бастион» семитского язычества. Во главе аравийского пантеона стоял ал-Лах (ал-Илах, Эл, Ил). По всей Аравии почитались женские божества ал-Лат (форма женского рода от ал-Лах) (рис. 10), Манат (воплощавшая идею судьбы) и ал-‘Узза («Великая»). Значение их культа, распространенного повсюду в древнем семитском мире, было столь велико, что едва не привело к отступничеству самого Мухаммада, согласившегося было «по наущению сатаны» признать этих божеств (53:19–20): «Видели ли вы ал-Лат, и ал-‘Уззу, и Манат — третью, иную? Неужели у вас — мужчины, а у Него — женщины? Это тогда — разделение обидное! Они — только имена, которыми вы сами назвали, — вы и родители ваши.

Рис. 10. Ал-Лат на льве. Хатра, II в.

Аллах не посылал с ними никакого знамения. Они следуют только предположениям и тому, к чему склонны души, а к ним уже пришло от Господа их руководство».

7:200: «А если постигнет тебя от сатаны какое-нибудь наваждение, то ищи убежища у Аллаха: ведь Он — слышащий, ведающий!» (ср. 41:36).

Коран сохранил нам имена «идолов народа Нуха» (71:23) — божеств торговых партнеров мекканцев, живших вдоль пересекавшего Аравию главного торгового пути, на котором и стояла Мекка. Святотца этих божеств были накануне ислама объектами активного поклонения. Это южноаравийское божество Наср, символом которого был «гриф-ягнятник»; «распределяющее дождь» хамданидское божество Йа'ук (Северный и Центральный Йемен), представленное, согласно одному из преданий, в виде статуи человека; «дарующее дождь» божество мазхиджитов Йагус (районы, примыкающие к северу Йемена); «покровитель стад» хузайлитское божество Сува (Северный Хиджаз); одно из древнейших общеаравийских божеств «хранящий от опасностей» Вадд, по-видимому, связанный с лунным культом (Думат ал-Джандал).

Сохранившиеся предания сообщают о том, что изображения языческих божеств привозились в Аравию извне. По одной из легенд, древние идолы однажды были выкопаны из песка на восточном побережье Аравии неподалеку от Джидды, согласно другой — они были привезены из Сирии. На протяжении веков в разных районах Аравии фиксируется традиция хранить в доме как обереги небольшие скульптурные изображения языческих божеств.

Значительную роль в религиозных представлениях жителей Аравии играл мир добрых и злых духов (джиннов, шайтанов). Они представлялись как посредники между миром людей и миром богов. Духи могли вторгаться в мир обычных людей. Контакт с ними можно было установить и с человеческой стороны. Это умели делать 'аррафы («провидцы») и кахины («прорицатели»). Из мира духов получали свое вдохновение племенные поэты (ша'иры).

Караваны и корабли привозили в Аравию не только товары и людей, но и книги, идеи, религиозные учения. Иудеи-эмигранты

из Римской империи, христианские проповедники и монахи-отшельники, принадлежавшие к различным, часто гонимым направлениям, спорили между собой (см.: 19:37 «и разногласят партии среди них»), проповедовали свои учения в степях и оазисах Аравии. К тому времени уже несколько веков эти люди собирали слушателей на пыльных базарных площадях городов и у костров в бедуинских становищах, на ярмарках и в прохладных пещерах, где при слабом свете масляной лампы сидели, тесно прижавшись друг к другу, неискушенные последователи-новообращенные.

Ставшие привычными для аравитян-кочевников образы, связанные с христианами-отшельниками, вошли и в доисламскую поэзию, и в Коран. Тот же Имру' ал-Кайс пишет о своей возлюбленной:

Во мраке лицо ее — светильник отшельника,
Который вдали от всех монашья творит дела.

И дальше продолжает:

Мой друг, ты заметил ли сверкание молнии
В густых облаках, как взмахи рук иль полет крыла?
Иль это вдруг вспыхнувший светильник отшельника, —
То масло его рука заботливо подлила¹⁰.

Близкий образ встречаем и в Коране: «Аллах — свет небес и земли. Его свет точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стеклом точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного — маслины, ни восточной, ни западной. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает, и производит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи» (24:35)¹¹.

¹⁰ Nöldeke. "Fünf Mo'allaqat, übersetzt und erklärt", с. 28. В обоих случаях — перевод А. А. Долининой.

¹¹ Ср. переложение А. С. Пушкина в «Подражаниях к Корану»:

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

И черные козы долго бродят вокруг меня
Монахини в длинных платьях там, на тропе крутой, —
А ночью затихнут, по соседству пристроятся,
Как будто я их вожак, вернувшийся к ним домой, —

восклицал аш-Шанфара¹².

Библейские легенды, идеи и образы проникали в поэзию ара-втян и их племенные предания. Падал престиж языческих бо-жеств, появилось представление о некоем верховном божестве. В оазисах Хиджаза, городах Северной Аравии намечался процесс постепенной унификации языческого пантеона. На юге шло пре-вращение городских божеств в общеименских, в качестве глав-ного выдвигался бог Луны Алмаках, становившийся постепенно единым владыкой неба и земли. Его часто обозначали эпитетом *рахманан* («милостивый»).

Накануне ислама в Аравии появились и люди, придерживав-шиеся монотеистических взглядов, но не примыкавшие ни к одной из религий. Их называли *ханифами*. И, наконец, в VII в. в различ-ных областях Аравии с проповедью единобожия выступили сразу несколько религиозно-политических вождей. Мусульманское пре-дание, объявившее этих людей «лжепророками», сохранило для нас их имена: ал-Асвад, Мусайлима, Тулайха, Ибн Саййад, «пророчи-ца» Саджах. Они, подобно Мухаммаду, пытались найти решение возникших перед соплеменниками проблем, увидев причину небла-гополучия в ошибочном культе, в нарушении ниспосланных прежде установлений.

Аравийское «пророческое движение» было закономерной ста-дией социального и идейного развития, характерного для Ближнего Востока. Типичные для коранических проповедей обвинения «на-рушителей весов» (5:8); «тех, которые пожирают рост» (2:275) или «приближаются к имуществу сироты» (6:152) легко находят параллели в Ветхом Завете (например, Пс. 14:5; Амос. 8:5–6; Притч. 2:10–11).

¹² Al-Shanfara. “Diwan”, с. 21. Перевод А. А. Долининой.

1.4. Мекка

Мекка, торговый по преимуществу город, выделялась среди аравийских культовых центров. Накануне ислама Мекка насчитывала семь-восемь тысяч жителей. Ее святыни почитались целой группой племен, а вокруг мест поклонения на расстоянии от восьми до восемнадцати километров простиралась священная территория (*харам*), на которой нельзя было проливать кровь. Важнейшей среди святынь была Ка'ба. Накануне возникновения ислама это было каменное здание размером 10,0×12,5×9,0 м с вмонтированными в стены двумя священными камнями, воплощавшими небесные светила (рис. 11). Неподалеку от Ка'бы лежал еще один священный камень, названный после торжества ислама *макам Ибрахим* («место, где стоял Ибрахим»). По преданию, внутри языческой Ка'бы находилась однорукая сердоликовая статуя бога Хубала, а стены внутри здания были оштукатурены и имели росписи (в том числе, в соответствии с рядом преданий, изображение, связываемое с Богородицей христиан).

Между священным колодцем Замзам и Ка'бой стояли две статуи языческих божеств Исафа и На'или. Священными почитались холмы ас-Сафа и ал-Марва, долина Мина, гора ал-Муздалифа, связанная с культом Кузаха, еще одного божества, дарующего дождь, и гора 'Арафат, расположенная уже вне *харам*. Паломничество (*хаджж*) к этим местам поклонения сопровождалось выполнением древних ритуалов и ко времени возникновения ислама было важнейшим проявлением религиозного сознания значительной части жителей Аравии. Многие представления, связанные с *хаджжем*, восходят к древнейшим пластам семитской мифологии. Достаточно вспомнить обоснование, которым израильяне мотивировали требование отпустить их из Египта — необходимость совершить паломничество в пустыню (*hag*) на поклонение верховному божеству, и близость, если не идентичность роли и сакрального статуса источника Замзам и источника Эфка в Пальмире. Возникновение языческого культа Ка'бы находит многочисленные параллели в хананейско-аморейском материале, связанном с культом звезд.

Рис. 11. «Масджид Ал-Харам, Мекка». Силикатная керамика с глазурной росписью. Изник (Турция), XVII в.

Мекка как торговый и религиозный центр целиком и полностью контролировалась племенем бану курайш, состоявшим из шестнадцати родов. Один из таких родов — бану хашим — и дал миру основателя ислама. Власть в городе принадлежала главам родов. Их авторитет зависел главным образом от состоятельности и многочисленности мужского потомства. Роды конкурировали, создавая коалиции как внутри бану курайш, так и привлекая соседние племена.

Для адекватного истолкования мировоззрения, зафиксированного Кораном, первостепенное значение имеет выявление характера преемственности коранических представлений с соответствующим понятийным аппаратом, кругом традиций, идей и образов языческой Аравии. Редко эта преемственность имеет вид прямого включения соответствующих представлений в систему складывавшейся ранне-мусульманской культуры. Как правило, речь идет о декларируемом отрицании важнейших аспектов мировоззрения аравитян-язычников и при этом — об обосновании вводимых Кораном идей и представлений как восстановлении забытой веры предков. Однако эти представления содержали обычно лишь новое истолкование важнейших элементов прежней культуры. Иногда такая преемственность имеет и более сложный характер. Это относится, в частности, к системе древних космогонических представлений и этногенетических преданий, которые оказались унаследованы исламом в «снятом виде». Как известно, ислам унаследовал ритуал *хаджжа*, дав ему новое обоснование, связанное с библейской историей. Замечено, что ритуал более консервативен по сравнению с мифом, что зачастую с изменением идеологической ситуации тот же ритуал может получить новое мифологическое обоснование. Это произошло и с комплексом мифологических представлений, связанных с почитанием языческих божеств Исафа и На'или (их каменные идолы стояли рядом с Ка'бой и были разрушены мусульманами) и имевших свои истоки в древней этногенетической мифологии жителей Аравии.

Социальные и имущественные отношения, сложившиеся в результате длительного развития как в самой Мекке, так и в других оседлых центрах Аравии, входили во все большее противоречие с традиционной патриархальной системой ценностей и представлений. Их эрозии способствовала социальная практика и столетиями

копившийся опыт государственно-политической организации, который аккумулировали пограничные аравийские княжества. Прimitивное язычество, являвшееся идеологической основой традиционных отношений, не выдерживало конкуренции с мировыми религиями, долгое время бывшими для многих аравитян символами расцвета соседних цивилизаций. Многолетние военные действия в районах, непосредственно примыкавших к Аравии, гибель или существенное ослабление внутриаравийских структур власти, связанных с «великими державами», Персией и Византией, привели к «вакууму власти», поставили под угрозу стабильность торговых оборотов. Многолетние торговые связи с Персией и Византией, опыт военных успехов в столкновениях с войсками «великих держав» демонстрировали военные возможности Аравии, поднимали ее престиж в собственных глазах. Аравия шла к созданию своего государства, на пути к которому следовало преодолеть инерцию общинно-родовой организации. Ответом на потребности времени и явилось возникновение здесь пророческого движения, завершившегося с появлением Мухаммада. Его проповедь явилась результатом возникновения острого чувства напряженности и социального неблагополучия, которое на рубеже VI—VII вв. ощущалось в Мекке очень многими.

1.5. Допророческая жизнь Мухаммада (ок. 570 — ок. 610)

«Люди факта живут, но не они творят жизнь. Творят жизнь люди веры», — писал русский философ Владимир Соловьев. Жизнь самого Мухаммада, ранняя история ислама могли бы стать лучшим доказательством теории об особой «энергии веры», способной многократно усилить действенность идеи, объединить и синхронизировать усилия тысяч людей и тем самым активно вторгнуться в вечный мир и прямо воздействовать на него.

Около 570 г. н. э. (мы в целом можем полагаться на оценки, сохраненные мусульманской традицией) в Аравии родился мальчик, уже к шести годам лишившийся отца и матери, испытывавший нужду и несправедливость (93:6: «Разве не нашел Он тебя сиротой — и приютил?»). Отца Мухаммада, принадлежавшего к курайшитскому роду хашим, звали 'Абдаллах, мать — Амина. Очень скоро после рождения

мальчика его отец, отправившийся с торговым караваном, умер в Йасрибе, будущей Медине, «городе Пророка». Согласно традиции мальчика на пять лет отдали кормилице-бедуинке по имени Халима. Родственные связи по линии матери (роды зухра и 'абд ад-адр) и по линии кормилицы (племя са'д б. бакр, бывшее подразделением хавазин) не могли не сыграть и сыграли в жизни Пророка определенную роль.

Когда будущему Пророку был шесть лет, его мать отправилась вместе с ним на могилу мужа и умерла на обратном пути. Мальчик, лишившийся обоих родителей, сначала жил у деда, а потом у дяди, 'Абдманафа Абу Талиба, сыгравшего в жизни сироты громадную роль. Семья жила небогато. Мухаммад и его четыре сводных брата знавали, что такое лечь спать с бурчащим от голода животом.

Около 582–583 г. (т. е. когда мальчику было лет 12–13) Абу Талиб взял его в торговую поездку в Бусру на юге Сирии. По мусульманскому преданию именно в ходе этой поездки монах по имени Бахира возвестил шедшим с караваном курайшитам о том, что в их среде находится будущий пророк («Сира» Ибн Хишам — Ибн Исхака):

«И вот в том году остановились они возле Бахиры. Они часто проезжали мимо него раньше. Монах с ними не разговаривал и не показывался им. Так было до этого года. Утверждают, что монах увидел из своей кельи Посланника Аллаха, когда он подъехал вместе с караваном. Над Мухаммадом стояло облако и прикрывало его своей тенью, выделяя его среди других людей <...> И начал Бахира спрашивать его о вещах, касающихся его состояния: о его сне, внешности, делах. Посланник Аллаха стал отвечать ему. И это совпадало с тем, что знал Бахира о его особенностях. Потом он рассмотрел его спину и увидел печать пророчества между его плечами на том месте, на котором она должна была быть по его сведениям <...>

Когда закончил, подошел к Абу Талибу, дяде его, и спросил его: «Кем приходится тебе этот мальчик?» Тот ответил: «Это мой сын». Бахира сказал ему: «Он не твой сын. У этого мальчика отец не может быть живым». Сказал [Абу Талиб]: «Он сын моего брата». «Ты сказал правду, — ответил [Бахира] — Возвращайся с сыном твоего брата в его страну. Береги его от иудеев. Клянусь Богом, если они увидят его и узнают от него то, что узнал я, то обязательно будут

стараться нанести ему зло. Поистине, у сына твоего брата великое дело. Торопись с ним в его страну!». Дядя Мухаммада Абу Талиб поспешил уехать с ним и привез его в Мекку, когда закончил свои торговые дела в Сирии»¹³.

Мальчик, затем юноша, пасет овец, помогает снаряжать караваны, сражается вместе с соплеменниками. Жизнь его складывалась настолько непросто, что его покровитель Абу Талиб, также испытывавший материальные трудности, отказался выдать за него свою дочь Фахиту, предпочтя ему более состоятельного махзумита Хубайру б. Абу Вахба. Без братьев и сестер он не мог не чувствовать себя одиноким.

Перелом в жизни Мухаммада произошел около 595 г. (будущему Пророку было тогда около 25 лет). Абу Талиб посоветовал племяннику наняться за плату в четыре молодых верблюда для сопровождения части товаров, отправляемых с сирийским караваном. Товары принадлежали богатой, предприимчивой и энергичной вдове Хадидже бинт Хувайлид. К тому времени 28-летняя Хадиджа уже дважды побывала замужем. От последнего брака у нее был сын. Мухаммад, скромный и задумчивый молодой человек, понравился Хадидже и поначалу чисто деловые отношения завершились счастливым браком. Пока Хадиджа была жива, у Мухаммада не было других жен.

В то время как женитьба заметно изменила материальные обстоятельства жизни Мухаммада (он на паях с махзумитом ас-Саибом б. Абу Саибом занялся торговлей кожами), дела Абу Талиба, ставшего к тому времени главой хашимитов, пошли совсем плохо. Родственники были вынуждены разобрать по своим семьям его младших детей (так в семье Мухаммада и Хадиджы оказался маленький 'Али — в будущем последний из «праведных халифов») Понятно, что в такой ситуации Абу Талибу оказалась не по карману и почетная обязанность главы хашимитов, связанная с кормлением и поением паломников.

Мухаммад же оказался в это время человеком сравнительно состоятельным, в семье было несколько домашних рабов и рабынь.

¹³ *Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishak bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hisham*, hrsg. Dr. F. von Wüstenfeld (Göttingen, 1858), с. 71.

У него уже родился первенец ал-Касим, правда, умерший во младенчестве, и четыре дочери: Зайнаб, Рукайя, Умм Кулсум и Фатима. Время летит быстро, вскоре три старшие дочери были выданы замуж, и в семье осталась лишь маленькая всеобщая любимица Фатима.

Мухаммад очень тяжело переживал отсутствие сыновей — главного богатства в глазах соплеменников. К одному из рабов смышленому калбиту Зайду б. ал-Харису, подаренному ему Хадиджей, он относился особо. Прошло совсем немного времени и Мухаммад торжественно освободил его перед Ка'бой, объявив своим сыном. Это в какой-то степени компенсировало ему потерю ал-Касима.

Судьба предоставила Мухаммаду досуг, который был заполнен непростыми размышлениями о жизни и смерти, судьбе и справедливости. Предания сообщают, что имели место случайные встречи с гонимыми и экзальтированными христианскими проповедниками. Он часами беседовал с двоюродным братом Хадиджи Варакой б. Науфалем, который, по преданию, «знал Писание» и мог рассказывать ему о всемогущем Господе, Судном дне и посмертном воздаянии для праведников и грешников. Мухаммад присматривался к образу жизни ханифов, исповедовавших, насколько можно судить, неопределенный монотеизм и отказывавшихся от жертвоприношения идолам.

Дополнительным и очень важным стимулом к размышлениям о связи человека с божеством стал предпринятый курайшитами ремонт Ка'бы, самым серьезным образом пострадавшей от пожара и селя. Мухаммад принимал в нем активное участие.

Он, как и многие его современники, начал «искать Бога», и однажды, уйдя из Мекки и уединившись на горе Хира (рис. 12), он испытал состояния, которые глубоко поразили его и заставили изменить всю свою жизнь. Помимо воли во сне или наяву в его сознание проникли некие звуки, которые впоследствии он смог передать на родном языке. Это состояние сопровождалось особым светом и поначалу видениями.

53:1—18: «Клянусь звездой, когда она закатывается! Не сбился с пути ваш товарищ и не заблудился. И говорит он не по страсти. Это только откровение, которое ниспосылается. Научил его сильный мощью, обладатель могущества, вот Он стал прямо на высшем горизонте, потом приблизился и спустился, и был

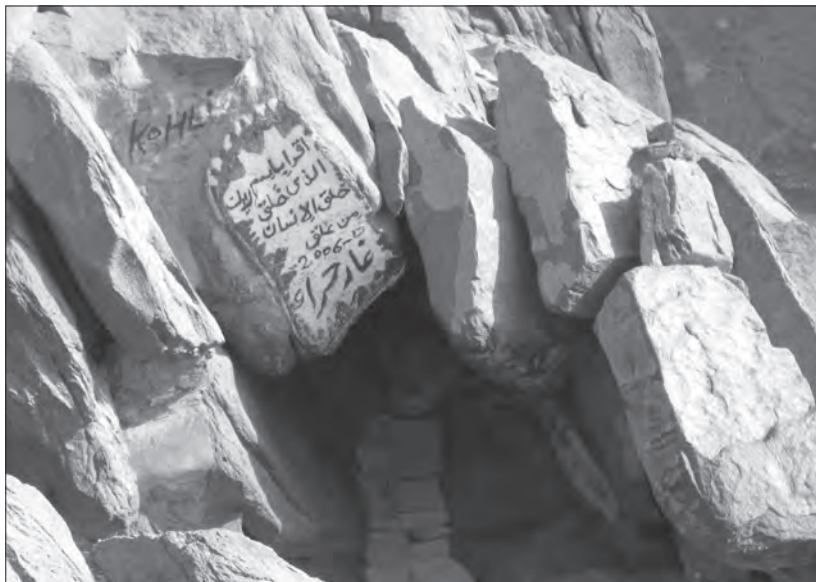

Рис. 12. Вход в пещеру на горе Хира.

на расстоянии двух луков или ближе, и открыл Своему рабу то, что открыл. Сердце (ему) не солгало в том, что он видел. Разве вы станете спорить с ним о том, что он видит? И видел он Его при другом нисхождении у лотоса крайнего предела. У Него — сад прибежища. Когда покрывало лотос то, что покрывало, не уклонилось его зрение и не зашло далеко: он действительно видел из знамений своего Господа величайшее».

96:1—5: «Читай! Во имя Господа твоего, который сотворил — сотворил человека из сгустка. Читай! И Господь твой щедрейший, который научил каламом, научил человека тому, чего он не знал».

74:1—7: «О завернувшийся! Встань и увещевай! И Господа своего возвеличивай! И одежды свои очисти! И скверны беги! И не оказывай милость, стремясь к большему! И ради Господа своего терпи!»

81:15—29: «Но нет! Клянусь движущимися обратно, текущими и скрывающимися, и ночью, когда она темнеет, и зарей, когда она дышит! Это поистине слово посланника благородного, обладающего силой у властителя трона могучего, встречающего покорность и, кроме

того, доверенного. И ваш товарищ не одержимый: он ведь видел Его на ясном горизонте, и он не скупится на скрытое. И это — не речь сатаны, побиваемого камнями. Куда же вы идете? Это ведь только увещевание мирам, — тем из вас, кто желает быть прямым. Но вы этого не пожелаете, если не пожелает Аллах, Владыка миров».

При получении откровений Мухаммад судорожно метался, ощущал удар, сотрясавший все его существо, казалось, что душа покидает тело. После периода неуверенности и внутренней борьбы Мухаммад принимает миссию, которую он считал возложенной на него свыше. Откровения убеждали его в том, что он избран Аллахом в качестве посланника, чтобы нести людям известие о грядущем Судном дне и наказании грешников, о милосердии Аллаха к последователям истинной веры и его безграничном могуществе.

Как мы все прекрасно помним из школьной программы, Пушкин увидел это так:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой...

Возможно, лучший анализ феномена такого рода откровений принадлежит И. Н. Винникову¹⁴.

1.6. Пророческое служение в Мекке (ок. 610—622)

Около 610 г. Мухаммад б. 'Абдаллах, сорокалетний уважаемый купец, выступил с призывом обратиться к истинной вере в единого Бога. Символично, что начало пророческой миссии Мухаммада совпало с военными победами арабов в приграничных областях (сражение с персидским отрядом при Зу Каре и успешный рейд в Сирию). Начались первые проповеди в кругу наиболее близких людей, в которых звучали полученные Мухаммадом откровения (101):

1. Поражающее!..
2. И что есть поражающее?
3. И что даст тебе знать, что такое поражающее?
4. В тот день, как люди будут, как разогнанные мотыльки,
5. и будут горы, как расщипанная шерсть...
6. И вот тот, у кого тяжелы весы, —
7. он в жизни блаженной.
8. А тот, у кого легки весы, —
9. мать его — «пропасть».
10. А что даст тебе знать, что такое она? —
11. Огонь пылающий!

102:

1. Увлекла вас страсть к умножению,
2. пока не навестили вы могилы.
3. Так нет же, вы узнаете!
4. Потом нет же, вы узнаете!

¹⁴ И. Н. Винников. «Легенда о призвании Мухаммеда в свете этнографии», С. Ф. Ольденбургу: к 50-летию научно-общественной деятельности (Ленинград, 1934). См. также: Е. А. Резван. *Коран и его мир* (Санкт-Петербург, 2001), с. 116—138.

5. Нет же, если бы вы знали знанием достоверности...
6. Вы непременно увидите огонь!
7. Потом непременно вы увидите его оком достоверности!
8. Потом вы будете спрошены в тот день о наслаждении!

В своих ранних чрезвычайно эмоциональных проповедях Мухаммад говорил о Господе (*рабб*), могущество которого безгранично, о покорности высшей силе и благодарности ей за все сущее, о помощи ближним, близости дня Суда и ужасах адского пламени.

Поначалу слушателями Мухаммада были только члены его семьи — Хадиджа, Зайд и 'Али, которому тогда было семь-девять лет. Через некоторое время участниками совместных с Мухаммадом молений стали еще несколько человек, среди которых были Абу Бакр, 'Абдаррахман б. Ауф и Джа'фар б. Абу Талиб, брат 'Али и двоюродный брат Мухаммада.

По-видимому, спустя четыре года после начала проповеди число участников тайных встреч превысило тридцать человек, и молитвенные собрания были перенесены в дом махзумита ал-Аркама б. Абу-л-Аркама. Молодые по преимуществу участники молений представляли различные группы мекканского общества: они принадлежали к разным родам, отличались по уровню богатства и родовитости. На собрания приходили и вольноотпущенники, следовавшие за своими бывшими хозяевами и покровителями.

Вскоре число сторонников Пророка приблизилось к сорока. В этом период к нему присоединились также решительный и энергичный дядя Мухаммада Хамза б. 'Абд ал-Мутталиб и влиятельный и авторитетный посол курайшитов 'Умар б. ал-Хаттаб.

Накопленный опыт обращения к группе своих сторонников, а также появление столь влиятельных последователей подтолкнули Мухаммада к началу публичной проповеди. Он вышел на склон ас-Сафа и созвал курайшитов с помощью клича, обычно используемого для предупреждения об опасности. Сбежавшиеся соплеменники оказались не только не готовы откликнуться на призыв Мухаммада, но и выразили негодование за то, что он оторвал их от текущих дел «непонятно ради чего».

По-видимому, именно с этого момента в тексте Корана появляются истории о библейских пророках, отвергнутых народами, к которым они были посланы (46:9): «Скажи: “Я не несу иного, чем другие посланники, и не знаю я, что будет сделано со мной и с вами. Я лишь следую за тем, что мне внушено; я — только явный увещеватель”».*

Рассказывая эти истории, Мухаммад по большей части лишь напоминал то, что было в разной степени полноты известно его слушателям: библейские сказания передавались в лахмидской ал-Хире и в гассанидской Джабии, на ярмарках и у бедуинских костров (87:16–19): «Да, вы предпочитаете жизнь ближайшую, а последняя лучше и длительнее. Поистине это в свитках первых, свитках Ибрахима и Мусы!»

Противники Мухаммада указывали и на то, что в окружении Пророка был некто, снабжавший его нужными сведениями из этой сферы (16:105): «Мы знаем, что они говорят: “Ведь его учит только человек”. Язык того, на которого они указывают, иноземный, а это язык арабский, ясный».

В этот период все больше текстов Корана оказываются связанными с полемикой против оппонентов-мекканцев: (36:77–83): «Разве не видит человек, что Мы создали его из капли? А вот — враждебен, определено! И приводит он нам притчи и забыл про свое творение. Он говорит: “Кто оживит части, которые истлели?” Скажи: “Оживит их тот, кто создал их в первый раз, и Он сведущ во всяком творении, — Он — тот, который сделал вам из зеленого дерева огонь, и вот — вы от него зажигаете”. Разве тот, кто создал небеса и землю, не в состоянии создать подобным им? Да, Он — Творец, мудрый! Его приказ, когда Он желает чего-нибудь — только сказать ему: “Будь!” — и оно бывает. Хвала же тому, в руке которого власть над всем, и к Нему вы будете возвращены!»

75:31–40: «Ведь он не веровал в геенну и не молился, а счел это ложью и отвернулся, затем отошел к своей семье, кичась. Горе тебе и горе! И паки горе тебе и горе! Разве думает человек, что он оставлен без призора? Разве не был он каплей из семени источника? Потом стал сгустком, и сотворил Он его и устроил, и сделал из него пару: мужчину и женщину. Разве этот не может оживить мертвых?»

Аллюзиями на истории ветхозаветных пророков Мухаммад пытался заставить своих слушателей думать и сравнивать. Однако его не спешили принимать всерьез. И, хотя за два года число последователей Мухаммада удвоилось, его продолжали считать скорее чудаком или одержимым. При этом его настойчивость постепенно стала вызывать все большее раздражение. Подлинное возмущение вызвало утверждение Мухаммада о том, что отцы курайшитов, гордившихся своим родом и служением Ка'бе, горят в адском пламени (82:9—19): «Но нет! Вы считаете ложью день суда. А ведь над вами есть хранители — благородные писцы. Знают они, что вы делаете. Ведь праведники, конечно, в благодати! А ведь грешники, конечно, в огне! Они будут гореть там в день суда, и не скроются они от него. Что же даст тебе знать, что такое день суда? И затем, что же даст тебе знать, что такое день суда? — в тот день, когда душа ничего не сможет для души, и вся власть в тот день — Аллаху».

Начались гонения, на мусульман нападали, открытые моления у Ка'бы были более невозможны. Абу Лахаб, дядя Пророка, который станет главой бану хашим после смерти Абу Талиба, заставил своих сыновей развестись с Рукайей и Умм Кулсум, дочерьми Мухаммада. Особенно тяжело преследовали людей зависимых. Чтобы избавиться от преследований, группа сторонников Пророка во главе с 'Усманом б. Аффаном отправилась в Эфиопию, путем, стандартным для мекканских торговцев. Это событие стало первой *хиджрой*. Оно означало разрыв с прежними родственными отношениями и переход под покровительство негуса. Часть было вернулась назад, когда стало известно о компромиссе вокруг ал-Лат, ал-'Уззы и Манат, связанном с «наущением Сатаны» (см. выше). Мухаммад раскаялся, что привело к ужесточению преследований и необходимости бегства в Эфиопию уже почти ста его сторонников. Мухаммад посягнул на важнейшие религиозные традиции Мекки, центра аравийского язычества. С главным мекканским святилищем — Ка'бой, с культом божеств, расположенных вокруг Мекки, было в значительной степени связано и экономическое процветание города.

В Мекку доходит известие о поражении Византии. Это еще один удар для Мухаммада, который видел в христианах-византийцах своих естественных союзников. В его проповеди, произнесенной

тогда, звучит пророчество (3:2–5): «Побеждены Румы в ближайшей земле, но они после победы над ними победят через несколько лет. Аллаху принадлежит власть и раньше, и позже, а в тот день возрадуются верующие помощи от Аллаха. Он дарует помощь, кому желает, Он велик, милосерд!»

Абу Талиб, глава рода хашим, следуя кодексу кровнородственной чести, продолжал поддерживать своего племянника, несмотря на увещевания и даже угрозы именитых курайшитов. Ответом стал бойкот хашимитов, предписывавший не вступать с ними ни в торговые отношения, ни в браки. Хашимитов поддержали ближайшие родственники бану ал-мутталиб и даже несколько представителей других родов. Здесь важно то, что большинство сородичей Мухаммада, страдая за него, не разделяли его идей. Понимая степень опасности, все, оставив дома, поселились рядом с домом Абу Талиба, где, по-видимому, имелась какая-то защитная инфраструктура, традиционная для оседлых поселений Внутренней Аравии. С другой стороны Абу Лахаб по понятным причинам остался на стороне противников Пророка. Кровнородственные связи, казавшиеся незыблемыми, стали давать трещины.

Бойкот продолжался около трех лет, но к результату не привел. Обе стороны конфликта были связаны родством, все так или иначе несли убытки, ситуация была нетерпимой, и по инициативе нескольких авторитетных сограждан бойкот был прекращен.

Шел десятый год с момента начала пророчества, оказавшийся, возможно, самым тяжелым в жизни Мухаммада. В мае 619 г. умирает сначала Хадиджа, поддерживавшая мужа в самые трудные минуты, а через месяц и покровитель Мухаммада, глава рода хашим Абу Талиб. Вскоре новый глава рода Абу Лахаб отказывает Пророку в защите. Находясь в отчаянном положении, Мухаммад стал искать помощи вне Мекки.

Он отправляется с проповедью в Таиф, но не только не находит там поддержки, но и вынужден оттуда бежать. Едва спасшись в саду, принадлежавшем двум братьям-курайшитам, Мухаммад, согласно преданию, обратился к Господу с отчаянной молитвой: «О Боже! Я жалуюсь Тебе на свою слабость и неспособность, на свое унижение! О самый милосердный из милосердных! <...>

Ты — Господь мой, кому Ты поручаешь меня? Тому, кто вдали и смотрит угрюмо на меня? Врагу моему, которому Ты поручил дело мое? Если это гнев от Тебя, то я смирюсь. Сила Твоя укрепляет меня. Я защищаюсь светом лика Твоего. Пред ним скрытое становится явным. Молю: пусть дела этой и будущей жизни станут благими, не направляй на меня гнев Свой, не осердись на меня! Я буду делать все по велению Твоему, пока Ты не станешь доволен мной. Нет силы и могущества, кроме как с Тобой!»

Обуреваемый тяжелыми думами, Мухаммад смог въехать в Мекку лишь заручившись покровительством главы рода науфал Мут‘има б. ‘Ади. Вскоре наступило время паломничества, и он вновь и вновь пытался обратиться с проповедью к людям, стекавшимся в Мекку. Однажды ему повезло. Несколько паломников из Йасриба внимательно выслушали его и, вернувшись в родной город, рассказали близким о новом вероучителе.

Согласно мусульманскому преданию, контакты с йасрибинцами продолжались в течение трех сезонов паломничества. Их было несколько, но запомнились две встречи, и обе происходили в ‘Акабе, что в Мине, неподалеку от Мекки. Во время первой Пророку присягнули двенадцать человек. Они попросили направить в Йасриб наставника, что и было сделано Мухаммадом. В следующем (621) году в ‘Акабу прибыло уже около семидесяти человек. Мухаммад договорился с ними о переезде в Йасриб и выбрал из числа участников встречи двенадцать своих представителей (*накибов*). Он отправлялся в Йасриб в качестве третьей стороны, местные арабские племена аус и хазрадж принимали его не только как главу общины, но и как вероучителя. В свою очередь Мухаммад дал обязательство не разделять свои и их интересы. В этом случае успех проповеди был во многом основан на некотором знакомстве арабов Йасриба с мессианскими идеями иудаизма.

Отъезд членов общины в Йасриб происходил постепенно на протяжении трех месяцев, чтобы не вызывать подозрений. Пришло время, и Мухаммад перебрался в дом Абу Бакра. Под покровом ночи он и Абу Бакр вышли из дома и спрятались в пещере на южной окраине Мекки. Поиски беглецов продолжались три дня и не дали результатов. Когда активность противников Пророка

спала, к пещере привели верблюдов. Чтобы запутать следы Мухаммад и Абу Бакр двинулись в Йасриб окольным путем и избегали пользоваться обычными стоянками для отдыха. Они оказались в Йасрибе в конце сентября 622 г. В Мекке у Пророка осталась жена Сауда и дочь Фатима.

1.7. Пророческое служение в Йасрибе (Медине) (622–632)

Йасриб — крупнейший земледельческий оазис Хиджаза, находившийся в 350 километрах к северу от Мекки, с середины VI в. жил в состоянии практически перманентной войны. Основу его арабского населения составляли племена аус и хазрадж. В Йасрибе жили и еврейские (или обращенные в иудаизм арабские) племена бану кайнука, курайза, надир, фитйаун. Арабы пришли в оазис позже, их положение изначально было зависимым. К началу VII в. борьба за главенство в оазисе привела к доминированию арабов. Но борьба шла и между самими ауситами и хазраджитами, и между родами внутри каждого из них. Как всегда бывает в таких случаях, две основные противостоящие коалиции постоянно менялись, и обе, как правило, включали и арабов, и иудеев. Оазис состоял из ряда укрепленных поселений, и силы сторон были в целом равны. Внутренние возможности для стабилизации ситуации были исчерпаны, и роль арбитра была предложена Пророку. Жители оазиса пригласили его как последнюю надежду установить мир и согласились на достойных условиях предоставить убежище его последователям.

Переселение Пророка и его последователей в Йасриб получило название *хиджра*. Оно ознаменовало полный разрыв Пророка с прежней системой родственных отношений, обеспечивавшей в то время безопасность и социальный статус личности, ставило его вне закона. Первый день года, в который произошло переселение, стал первым днем мусульманской эры, согласно которой сегодня ведет летоисчисление около полутора миллиардов жителей Земли.

Важно, что Мухаммад и его сторонников принимали здесь не как покровительствуемых, как обычно бывало в таких случаях. Йасрибские мусульмане стали «помощниками» (*насир*, мн. *ансар*),

призванными в первую очередь оказывать военную поддержку переселенцам-мусульманам (ед. *мухаджир*). Вскоре для скрепления общины Мухаммад предложил массовое братание *мухаджиров* и *ансаров*. В Аравии той поры практически не делалось различий между побратимами и родными братьями (вплоть до права наследования друг другу). Согласно имеющимся источникам, общее число побратимов составило около ста человек.

Далее последовало заключение многостороннего соглашения, разработанного Мухаммадом и имеющего цель обеспечить в Йасрибе внутренний мир. Соглашение, известное в литературе как «Конституция Медины», по-видимому, несколько раз дополнялось. Из сохранившейся версии текста явствует, что Мухаммад, по-прежнему полагавший, что он проповедует то же откровение, которое было дано Мусе, считал мусульман и иудеев одной общиной верующих (*ал-му'минун*), исповедующих при этом разные религии (*дин*). При этом иудеи не только не признавали божественность его миссии, но и неоднократно пытались уменьшить его авторитет, указывая на искажения при передаче ветхозаветных текстов (62:5–6). «Те, кому было дано нести Тору, а они ее не понесли, подобны ослу, который несет книги. Скверно подобие людей, которые считали ложью знамения Аллаха! Аллах не ведет людей неправедных! Скажи: “О вы, которые стали иудеями! Если вы утверждаете, что вы — близкие к Аллаху, помимо прочих людей, то пожелайте смерти, если вы правдивы!”».

Десять лет, проведенных Мухаммадом в Медине, были наполнены напряженной борьбой с внешними и внутренними противниками, ежедневной необходимостью давать быстрый и точный ответ событиям и людям, бросавшим часто смертельный вызов его делу. Жизнь все разрастающейся общины требовала регламентации. Проповеди Мухаммада этого периода содержат целый комплекс религиозных и правовых установлений, регулирующих важнейшие стороны жизни мусульманской общины (*умма*). По конкретным, сегодня уже забытым поводам произносятся проповеди-откровения, в слова которых на протяжении долгих веков напряженно будут вчитываться люди, ища в них скрытый и всеобъемлющий смысл. Постепенно возникает Книга, которая хранится пока в памяти самого Пророка и его последователей, в первых несовершен-

ных и разрозненных записях, возникавших сначала независимо от Мухаммада, а потом и по его прямому указанию. Окончательно прокладывается путь к независимому развитию учения Пророка, превращению ислама в самостоятельную религиозную систему.

Опираясь на своих мекканских сподвижников и новообращенных мединских мусульман, Мухаммад приобретает в Медине все большую власть. На начальном этапе рост влияния Пророка сопровождался и усилением оппозиции, как иудейской, так и арабской. Ряд жителей Йасриба, в том числе и весьма влиятельных, был недоволен правлением Мухаммада. Хотя они и приняли ислам, но по существу являлись скрытыми противниками Пророка, объединяясь с иудеями в оппозиции его важнейшим решениям. Мухаммад в проповедях называет этих людей «лицемерами» (ед. *мунафик*).

Вскоре благодаря хорошо продуманной умеренной политике положение Мухаммада в Йасрибе еще более укрепилось. В Мекке не осталось сторонников Пророка, которых его враги могли бы удерживать как заложников. Наступила пора открытой борьбы против мекканцев. Йасриб находился неподалеку от важной торговой дороги, по которой двигались караваны из Мекки. Первая попытка нападения на мекканский караван была предпринята уже через семь месяцев после *хиджры*, но, как и ряд последующих, оказалась неудачной. Лишь 624 г. принес успех. Мухаммад организовал нападение на большой караван (1000 верблюдов, груз на сумму около пятидесяти тысяч динаров), который возвращался из Газзы. Посланное на помощь каравану тысячное мекканское ополчение во главе с Абу Джахлем почти втрое превышало силы мусульман, но численное превосходство не помогло мекканцам.

Разгром превосходящих сил мекканцев в сражении при Бадре (март 624 г.) (*рис. 13*) привлек на сторону Мухаммада новых сторонников, значительно укрепил его авторитет (8:5–17): «Как вывел тебя твой Господь из твоего дома с истиной, а часть верующих противилась, препираясь с тобой об истине, после того как она разъяснилась, точно их гонят к смерти, а они смотрят. И вот, обещал вам Аллах один из двух отрядов, что он будет вам; вы желали бы, чтобы не имеющий вооружения достался вам. А Аллах желает

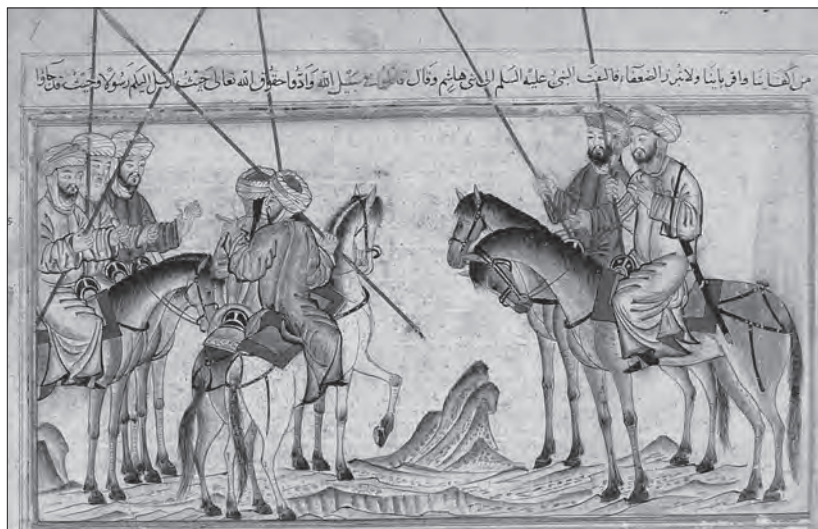

Рис. 13. «Битва при Бадре». Миниатюра из рукописи, созданной в начале XIV в. в Тебризе и представляющей сочинение «Джами' ат-Таварих», составленное Рашид ад-Дином ал-Хамадани (1247—1318). Коллекция Нассера Халили.

утвердить истину Своими словами и отсечь неверных до последнего, чтобы утвердить истину и изничтожить ложь, хотя бы и ненавистно было это грешникам.

И вот, взывали вы за помощью к вашему Господу, и Он ответил вам: “Я поддерживаю вас тысячью ангелов, следующих друг за другом!” Сделал это Аллах только радостной вестью, и чтобы успокоились от этого ваши сердца. Ведь помощь — только от Аллаха; поистине, Аллах — великий, мудрый! Вот Он покрыл вас дремотой в знак безопасности от Него и низвел вам с неба воду, чтобы очистить вас ею и удалить от вас мерзость сатаны и чтобы укрепить ваши сердца и утвердить этим ваши стопы. Вот внушил Господь твой ангелам: “Я — с вами, укрепите тех, которые уверовали! Я брошу в сердца тех, которые не веровали, страх; бейте же их по шеям, бейте их по всем пальцам!” Это — за то, что они откололись от Аллаха и Его посланника... ведь Аллах силен в наказании! Это — вам! Вкусите же его и что для неверных — наказание огня!

О те, которые уверовали! Когда вы встретите тех, кто не веровал, в движении, то не обращайтесь к ним тыл. А кто обратит к ним в тот день тыл, если не для поворота к битве или для присоединения к отряду, тот навлечет на себя гнев Аллаха. Убежище для него — геенна, и скверно это возвращение! Не вы их убивали, но Аллах убивал их, и не ты бросил, когда бросил, но Аллах бросил, чтобы испытать верующих хорошим испытанием от Него. Поистине, Аллах — слышащий, сведущий!»

В России как нигде знают, сколь ожесточенной и кровавой может быть гражданская война, в основе которой лежит идеологическое противостояние. После Бадра в плену у мусульман оказались близкие родственники мекканцев. Согласно преданию, дочь Пророка Зайнаб прислала в Йасриб в качестве выкупа за своего мужа, попавшего при Бадре в плен, ожерелье, подаренное ей Хадиджей. Мухаммад отпустил Абу-л-Аса безвозмездно.

Постепенно происходит окончательный разрыв с иудеями и христианами. Мухаммад приходит к осознанию принципиального отличия своей проповеди от того, что исповедовали «обладатели Писания» (*ahl al-kitab*). Продолжая говорить, что ислам — это возвращение к забытой вере Ибрахима (Авраама), он осуждает иудеев и христиан за искажение и забвение истинного учения.

Известно, что первая мечеть, построенная на окраине оазиса, была, как христианские храмы, ориентирована на восток, большая мечеть Йасриба, построенная к концу 623 г. ориентирована на север, на Иерусалим. Но в результате судьбоносных перемен мусульмане начинают обращать молитвы уже к мекканским святыням, к «Дому Аллаха» Ка'бе (2:142): «Вот скажут глупцы из людей: “Что отвратило их от киблы, которой они держались?” Скажи: “Аллаху принадлежит и восток и запад, Он ведет, кого хочет, к прямому пути!”» (2:144–145): «Мы видим поворачивание твоего лица по небу, и Мы обратим тебя к кибле, которой ты будешь доволен. Поверни же свое лицо в сторону запретной мечети. И где бы вы ни были, обращайтесь свои лица в ее сторону. Ведь те, кому даровано писание, знают, конечно, что это — истина от Господа их, — поистине, Аллах не небрежет тем, что они делают! И если ты доставишь тем, кому даровано писание, всякое знамение, они

не последуют за твоей киблой, и ты не последуешь за их киблой. И некоторые из них не следуют кибле других. А если ты последуешь за их страстями после того, как пришло к тебе знание, ты, конечно, тогда — из нечестивых».

Изменяются правила поста. Вместо совместного с иудеями поста «дня очищения» (*'ашура'*) вводится пост месяца рамадан, который в ритуальном отношении не повторял иудео-христианские традиции. Вводится призыв на молитву, также по своему характеру отличный от практики христиан и иудеев. Особым днем для мусульман становится пятница. Именно в пятницу, накануне открытия субботнего рынка в Йасрибе, было удобнее всего проповедовать среди людей, приехавших в оазис по торговым делам. И статус пятницы (день собрания, а не обязательного отдыха), и сам выбор дня недели отличал мусульман от «людей Писания». Изменяется число ежедневных молитв. Возникает комплекс ритуальных правил, основанных на собственно аравийских религиозно-культурных парадигмах. Противники Пророка, обвинявшие его в насаждении чуждого и иноземного, теряют свои важнейшие аргументы.

Мы видим, что уже первые два года, проведенных в Йасрибе в постоянном контакте с иудеями, привели к базовым переменам как в общем идеологическом обосновании ислама как самостоятельного религиозного движения, так и в ритуальной сфере (2:135—137). «Они говорят: “Будьте иудеями или христианами — найдете прямой путь”. Скажи: “Нет, — общиной Ибрахима, ханифа, ведь он не был из многобожников”. Скажите: “Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку, Йакубу и коленам, и что было даровано Мусе и Исе, и что было даровано пророками от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему предаемся”. А если они уверовали в подобное тому, во что вы веровали, то они уже нашли прямой путь; если же они отвратились, то они ведь в расколе, и Аллах избавит тебя от них: Он ведь — слышащий, знающий».

Ибрахим, отец прародителя арабов Исма'ила, объявляется предвестником ислама. Аллах именно в Мекке заключил с Ибрахимом союз и приказал построить здесь Ка'бу. Учение, ниспосланное Ибрахиму, естественным образом оказывается древнее

Торы и Евангелия (2:140–141): «Или вы скажите, что Ибрахим, и Исмаил, и Исхак, и Йакуб, и колена были иудеями или христианами? Скажи: “Вы больше знаете или Аллах? Кто же нечестивее того, кто скрыл у себя свидетельство Аллаха? Поистине, Аллах не небрежет тем, что вы делаете!” Это — народ, который уже прошел: ему — то, что он приобрел, и вам — то, что вы приобрели, и вас не спросят о том, что делали они».

Победа при Бадре позволила Мухаммаду расправиться с рядом своих противников и дома, в Йасрибе. Небольшая уличная стычка вызвала противостояние мусульман с бану кайнука⁴, закончившееся осадой, капитуляцией и поголовным выселением бану кайнука⁴ в Хайбар и на юг Сирии. В условиях торжества мусульман по поводу победы при Бадре прежние союзники отказали бану кайнука⁴ в поддержке.

Мухаммад всеми силами стремился нарушить торговлю мекканцев с Сирией и закрепить свое влияние уже вне Йасриба, в первую очередь в районах, лежавших восточнее оазиса. То тут, то там на караванных маршрутах появлялись мусульманские отряды. Один раз удалось захватить небольшой мекканский караван с серебром. Все это не могло не волновать мекканцев, которые практически сразу после поражения при Бадре приступили к подготовке ответного похода.

Через год после Бадра в марте 625 г. главному мекканскому оппоненту Пророка Абу Суфйану удалось собрать войско общей численностью около трех тысяч человек. Двести конников резко увеличивали мощь атаки, а семьсот воинов, одетых в кольчуги, обеспечивали устойчивость при отражении нападения. Войско смогло подойти к Медине практически незамеченным, но мекканцы не воспользовались этим преимуществом. В ответ Мухаммаду удалось собрать тысячное войско при ста кольчужниках, но, по преданию, он отверг советы старожиллов встретить мекканцев на узких улицах и решил дать открытый бой. Накануне сражения мусульман покинул Ибн Убайй, который увел в оставленный абсолютно незащищенным Йасриб до трехсот своих воинов. В битве при горе Ухуд (рис. 14) мусульмане потерпели поражение, погиб каждый десятый из них, но в целом и это поражение не смогло

Рис. 14. «Битва при Ухуде: Пророк во главе войска мусульман». Миниатюра из рукописи, созданной в 1595 г. и представляющей сочинение «Сийер-и неби», составленное Мустафой б. Йусуфом в конце XIV в.

серьезно поколебать позиции Пророка (см. 3:152—156): «Аллах оправдал пред вами Свое обещание, когда вы перебили их по Его позволению. А когда вы оробели и стали препираться о деле и ослушались, после того как Он показал вам то, что вы любите, среди вас оказались желающие ближнего мира и среди вас были желающие последнего. Потом Он отвернул вас от них, чтобы испытать вас; и Он простил вас, — ведь Аллах — обладатель милости к верующим! Вот вы поднимались и не поворачивались ни к кому, а посланник звал вас в последних отрядах. И Он воздал вам огорчением за огорчение, чтобы вы не печалились о том, что вас миновало и что вас постигло. Поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете! Потом Он низвел на вас после огорчения для спокойствия сон, который покрыл одну часть вас, а другую часть обеспокоили их души: они думали об Аллахе несправедливой думой язычества, говоря: “Разве для нас есть что-нибудь из этого дела?” Скажи: “Все дела принадлежат Аллаху”. Они скрывают в своих душах то, чего не обнаруживают тебе. Они говорят: “Если бы у нас было что-нибудь из этого дела, то не были бы мы убиты тут”. Скажи: “Если бы вы были в своих домах, то те, кому предписано убийство, вышли бы к местам своего падения... и чтобы Аллах испытал то, что в вашей груди, и чтобы очистить то, что в ваших сердцах”. Поистине, Аллах знает про то, что в груди! Поистине, те из вас, которые отвернулись, в тот день, когда встретились два отряда, — их заставил споткнуться сатана чем-то, что они приобрели. Аллах уже простил их, — ведь Аллах — прощающий, кроткий! О вы, которые уверовали! Не будьте, как те, кто не веровал и говорил своим братьям, когда они двинулись по земле или совершали поход: “Если бы они были при нас, то не умерли бы и не были бы убиты”, <...> чтобы Аллах сделал это огорчением и в сердцах. Поистине, Аллах оживляет и умерщвляет. И Аллах видит то, что вы делаете!» (см. также далее 3:157—174).

После отхода победителей-мекканцев Мухаммад расправился с иудейским бану надира, члены которого были замечены в контактах с врагом. Все племя было выселено за пределы Медины, увезя с собой только мелкий скарб. В результате военные и экономические позиции Мухаммада в городе еще более упрочились. Рос его

авторитет и во Внутренней Аравии в целом. Соглашаясь принять ислам, к нему обращаются за помощью люди, жившие за сотни километров от Медины. Мухаммад рассылает проповедников все дальше и дальше, организует рейды против бедуинских племен.

Когда в марте 627 г. десятитысячное войско коалиции противников мусульман было остановлено на подступах к Йасрибу (мусульмане вырыли шестикилометровый ров на опасном направлении) и после двухнедельной осады вынуждено было уйти, авторитет Мухаммада как человека, которому в войне помогают высшие силы, вновь необычайно возрос. Все запомнили, что лагерь осаждавших разметал ураганный ветер (33:9–20): «О вы, которые уверовали! Вспоминайте милость Аллаха вам, когда пришли к вам войска, и Мы послали на них ветер и войска, которых вы не видели. Аллах видит то, что вы делаете! Вот пришли они к вам и сверху и снизу вас, и вот взоры ваши смутились, и сердца дошли до гортани, и стали вы думать об Аллахе разные мысли. Там испытаны были верующие и потрясены сильным потрясением! И вот говорили лицемеры и те, в сердцах которых болезнь: “То, что обещал нам Аллах и Его посланник, только обман!” И вот сказал один отряд из них: “О жители Йасриба! Не годится стоять вам, вернитесь!” А другой отряд из них просил пророка, говоря: “Дома наши — обнажены”. Но не были они обнажены. Они только хотели бежать. А если бы к ним войти с разных сторон селения, а потом спросить о восстании, то они сошлись бы на этом и остались бы там только немного. А раньше они заключили с Аллахом завет, что не будут поворачивать спину. Завет с Аллахом будет спрошен. Скажи: “Не поможет вам бегство, если вы бежите от смерти или от убийства; и тогда вы попользуетесь только немного”. Скажи: “Кто тот, кто защитит вас от Аллаха, если Он пожелает вам зла или пожелает вам милосердия?” Не найдут они себе помимо Аллаха ни покровителя, ни помощника! Знает Аллах удерживающих среди вас и говорящих своим братьям: “Сюда, к нам!” Но выказывают они мужество только немного, скупясь для вас. А когда приходит страх, ты видишь, как они смотрят на тебя, очи их вращаются, как у того, с кем от смерти обморок. А когда пройдет страх, они пронзают вас острыми языками, скупясь на доброе. Они не уверовали и пустыми

сделал Аллах их дела! И было это для Аллаха легко! Они думают, что сонмы не ушли. А если сонмы придут, они хотели бы оказаться кочевниками среди арабов, расспрашивая про известия о вас. А если бы они были с вами, то сражались бы лишь немного».

Иудейское бану курайза, изменившее в ходе «битвы у рва» союзному договору, было жестоко наказано: мужчины перебиты, а женщины и дети проданы в рабство: (33:26—27): «И вывел Он тех из людей Писания, которые помогли им, из их укреплений и вверг в их сердца страх; одну часть вы перебьете и возьмете в плен другую часть. И Он дал вам в наследие их землю, их жилища, их достояние и землю, которую вы не попирали. Аллах над всякой вещьюмоощен!»

Мухаммад побеждал во многом потому, что, движимый религиозным чувством, смог в ряде случаев стать выше бедуинских обычаев и традиций. Для его противников война была набегом, серьезно ограниченным обычаем кровной мести. Мухаммад же и его воины сражались за веру, и к шестому году *хиджры* Медина оказалась полностью под контролем мусульман. Отряды мусульман все чаще появляются вне Медины и уходят все дальше.

В начале марта 628 г. Мухаммад во главе большого каравана выступил в сторону Мекки, объявив, что мусульмане собираются совершить паломничество к Ка'бе. Переговоры с мекканцами на границе священной территории (*харам*) Мекки у водополя Худайбийя привели к подписанию соглашения о перемирии, по которому через год мусульманам было разрешено совершить паломничество к мекканской святыне. Мухаммад одерживает победу за победой, многие противники Пророка переходят на его сторону. 12 января 630 г. войска мусульман по существу без боя заняли Мекку. Идолы, стоявшие близ Ка'бы, были разрушены. Мухаммад совершил обряд поклонения святыне. За небольшим исключением, бывшие враги Пророка были прощены. Мухаммад продолжал жить в Медине, посылая отряды для разрушения капищ и одерживая новые победы в борьбе против племен, отказывавшихся принять новую веру.

Через два месяца после возвращения из Худайбийи Мухаммад организует поход против Хайбара, места, куда переселилась

значительная часть его мединских противников. Вслед за Хайбаром сдался уже без боя другой богатый оазис — Фадак. Мусульманская община окончательно выходит за пределы Медины и превращается в государство. Тогда же был установлен мусульманский контроль над важнейшей частью ключевого для Аравии торгового маршрута из Йемена в Сирию. Власть Мухаммада продолжала расти, все новые договоры о союзе заключали с Мединой прежде непокорные племена.

В начале февраля 632 г. Мухаммад, уже как глава мощного религиозно-политического союза, совершил «прощальное паломничество» в Мекку. По возвращении в Медину он готовит новый поход уже за пределы собственно Аравии, намечая тем самым единственный путь, который мог обеспечить развитие созданного им государства, но после короткой болезни в начале июня 632 г. умирает в доме 'Аиши, самой молодой и любимой из его новых жен, не оставив мужского потомства. Связь с Небом прервалась. Для проповедей-откровений началась самостоятельная жизнь.

Вопросы для самоконтроля:

Откуда до ислама христианство проникало в Аравию?

Что верно?

1. С юга и севера.
2. С запада и востока.
3. Из Египта.
4. С Востока.

Мекканцами накануне ислама была создана система «путешествий зимы и лета». Куда отправлялись караваны?

Что верно?

1. Один в Персию, другой в Эфиопию.
2. Один в Сирию, другой в Йемен.
3. Один в Египет, другой в Ирак.
4. Один в Оман, другой в Эфиопию.

В каком качестве Мухаммад был приглашен в Йасриб?

Что верно?

1. Как Пророк.
2. Как удачливый военный предводитель.
3. Как третейский судья.
4. Как гонимый проповедник, ищущий убежища.